

Уильям Шекспир

Сонеты (1609 г.)

Уильям Шекспир

Сонеты (1609 г.)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18656042
Сонеты (1609 г.):

Аннотация

«...Есть люди честные, а низкими слывут. Не лучше ль быть, чем слыть? Ведь чистых наслаждений И вовсе не найдешь, коль их отдать под суд Не совести своей, а посторонних мнений...»

Уильям Шекспир

Сонеты

1

Однажды крепко спал Амур – любви божок,
Отбросив факел свой, для всех сердец опасный,
И к месту этому вдруг подлетел кружок
Нимф, давших клятву жить в невинности бесстрастной.

И вот – одна из них рукой своей прекрасной
Схватила факел тот, что множество поджег
Сердец, замученных потом тоской напрасной,
И бросила его на дно в речной поток, –

И словно без меча, что полководцу нужен,
Влюбленных армий вождь лежал обезоружен,
Поток же стал горяч, целебен навсегда, –
И я им излечить хотел любви невзгоду,

Но – нет! – Огонь любви разгорячает воду
А пламенной любви не холодит вода.

2

Однажды Купидон, склонясь венком кудрей
И факел опустив, уснул среди поляны;
Подкравшись к сонному, одна из жриц Дианы
Взяла тот пламенник – и в воду поскорей.

И хладного ключа вода теплей, теплей,
И животворного потока бьют фонтаны,
И притекают к ним толпы больных людей
И, язвы там целя, излечивают раны.

Проснувшись, факел свой схватил любви божок,
Коснулся Хлои глаз и вновь его зажег –
И к сердцу мне поднес, а я не остерегся, –
И, страждущий, пошел к целебному ключу,

Но мне не помогло: себя я излечу
Лишь влагою очей, где факел тот возжегся.

3

Есть люди честные, а низкими сльвут.
Не лучше ль быть, чем слыть? Ведь чистых наслаждений

И вовсе не найдешь, коль их отдать под суд
Не совести своей, а посторонних мнений.

Толпа причудлива, но для моих причуд
Не умягчить своих сердитых убеждений.
Не стану же и я, – как я ни слаб, ни худ, –
Слабейших, худших чтить, боясь их осуждений.

Во мне есть то, что есть. Свет судит вкривь и вкось.
Да, он способен быть лазутчиком, шпионом,
Но не судьей. Он, мне, лишь только б довелось,
Свой приписан порок, сразит меня законом.

Чтоб быть судьей грехов, пусть он в закон бы ввел:
«Всяк грешен; смертный – царь, а грех – его престол».

4

Я жизнью утомлен, и смерть – моя мечта.
Что вижу я кругом? Насмешками покрыта,
Проголодалась честь, в изгнание правота,
Корысть – прославлена, неправда – знаменита.

Где добродетели святая красота?
Пошла в распутный дом: ей нет иного сбыта!..
А сила где была последняя – и та
Среди слепой грозы параличом разбита.

Искусство сметено со сцены помелом:
Безумье кафедрой владеет. Праздник адский!
Добро ограблено разбойническим злом;
На истину давно надет колпак дурацкий.

Хотел бы умереть; во друга моего
Мне в этом мире жаль оставить одного.

5

С дороги – бух в постель, а сон все мимо, мимо.
Усталый телом, я и рад бы отдохнуть,
Но мысль не хочет спать, и к той, что мной любима,
Сейчас пускается в дальнейший, трудный путь.

Мысль – эта странница – идет неутомимо
На поклонение к тебе и мне уснуть
Минуты не дает; глаз не могу сомкнуть,
Вперенных в тьму, во мрак, в то, что слепцами зримо.

И зоркостью души я – без пособия глаз,
Я – вижу тень твою. Она живой алмаз
Во мраке полночи. Ночь эта блещет ею
И ею молодит свой черный старый лик.

Я ж от тебя ни дне ни ночью, ни на миг,

Здесь – телом, там – душой, покоя не имею.

6

Могу ль я быть здоров, спокойствие сгубя?
От ночью нет мне за дневные муки,
На день грядущий сном не подкрепишь себя;
Днем на ночь наберешь запас тоски и скуки.

День с ночью – два врага, друг друга не любя,
Союзно мне вредить друг другу тянут руки:
Днем мучусь я с тобой, а ночью – без тебя;
Днем – труд свидания, а ночью – скорбь разлуки.

Дню серому я льщу: я говорю, что он
Тобою освещен, тобою изукрашен.
Я ночи также льщу: когда угрюм и страшен
Ее беззвездный вид, – твержу, что небосклон

Блестит светилами очей твоих, а очи
Твои мне портят дни и отравляют ночи.

7

Душа моя! О Дух! чистый в сфере грешной!
Корою грубою ты обведен кругом.
Зачем же красишь ты, лощишь покров свой внешний
И в роскоши такой содержишь этот дом?

Ты ненадолго в нем. Ты дальний гость, не здешний,
А на отделку стен все тратишься. Потом
Ты выедешь, а червь, – преемник твой поспешный, –
Сейчас на твой же счет и запирует в нем.

Пусть лучше этот дом постраждет! Что в нем проку,
А ты будь бережлив, не траться, но копи!
Часть времени продай, часть вечности купи!
Что скорлупу беречь? Зерну дай больше соку!

Сам смерть ты объедай, – ту смерть, что ест людей.
Перемоги ее, чтоб не достаться ей.

8

Когда из хроники былых времен порою
Я описания прекрасных лиц читал,
Я много алых уст, глаз с огненной игрою,
Красивых ног и рук в отрывках подмечал.

Ведь были ж древние знакомы с красотой!
Но в этих очерках я, кажется, встречал

Намеки лишь на то, что ныне лишь тобою
Для нас осуществлен чистейший идеал.

Быть может, древние в пророчество впадали
О нашем времени и творческим чутьем
В грядущей красоте тебя предугадали, –
Но не могли воспеть, чуть грезя о твоём

Существовании; они тебя не знали...
Мы знаем, но и мы – глядим и не поем.

9

Коль правда, что ничто не ново, все обычно,
Что наше новое – лишь снова введено, –
Изволь изобретать! Носи, рождай вторично
Дитя, которое уж было рождено!

Но нет! История пусть мне укажет лично
Твой образ, бывший там – когда-нибудь давно,
И пусть история докажет мне логично,
Что там твое лицо теперь повторено!

Коль так, хотел бы я звать древних лет сужденье
О красоте твоей: и вразумился б им,
Что на земле у нас – прогресс или паденье,
Иль то ж все вторится путем чередовым.

Но, – я уверен, – встарь рождало удивленье
И то, в чем мы теперь несовершенства зрим.

10

Во мне перед собой ты видишь время снега;
С кустов зеленая одежда их снята;
Поблеклый лист упал; исчезла песен нега –
Певцов пернатых нет – в оркестре пустота.

Во мне перед собой ты видишь час ночлега,
На западе дрожит чуть светлая черта,
И все густеет мрак, мрак – этот alter ego
Тьмы смертной, вечной тьмы: недалеко и та.

Во мне перед тобой дней прошлых лишь остаток,
Лишь искры под золой, а пламень прекращен,
Убитый тем, чем жил и чем питался он.
Люби ж меня сильнее! Ты видишь: срок мой – краток.

Ты потерять меня страшишься: миг лови!
Чем больше этот страх, тем больше дай любви.

11

Свет, может быть, тебе вопрос бы предложил:
Чем я твоей любви награду заслужил –
Каким достоинством? Ответить было б трудно;
Число моих заслуг здесь на земле так скудно.

Попробуй – что-нибудь мне в славу припиши –
Все это ты солжешь от доброты души,
Из снисхождения. Над трупом лгать – напрасно.
Тут истина стоит и судит беспристрастно.

Забудь меня совсем! Любовь нарядишь в ложь –
Себя лишь пристыдишь и труп мой в стыд введешь.
Умру – не говори ни слова о покойном!
Обоим стыдно нам: свет верно б так решил.

Мне стыдно: в мире я так мало совершил,
Тебе – твоя любовь жила на недостойном.

12

Когда мой час пробьет и в положенный срок
Сорвет меня с земли неумолимый рок –

Я буду жить в стихах; в них сохранен судьбою,
Всегда, мой верный друг, останусь я с тобою.

Взгляни на них и знай, что в них моя сполна
Существенная жизнь тебе посвящена.
Земля! Возьми мой труп! Свое своим зачисли!
Ты же лучшее возьмешь – свет разума, свет мысли.

Что потеряешь ты с кончиною моей?
Мой неподвижный прах, горсть пыли, снесь червей –
Ведь памяти твоей прах этот недостойн.
А если ценное кой-что заключено

И было в прахе в том, то, милый друг, оно
Навек останется с тобою: будь спокоен!